

Бредли Чокерс сидел в самом конце класса — в последнем ряду, на последней парте. Сидел один, без соседей, потому что никто не желал сидеть рядом с ним и перед ним тоже. Он был как остров.

Он вообще охотно сидел бы в чулане. В чулане можно запереться и не слушать миссис Эббель. Бредли думал — она бы и сама не возражала, что он засел в чулан. Может, даже обрадовалась бы: пусть сидит. И все остальные тоже обрадовались бы. Да, точно, заберись он в чулан вместе с партией, всем было бы только лучше, но вот беда — парта в чулан не влезала.

— Дети, — объявила миссис Эббель, — у нас новенький. Знакомьтесь — Джефф Карп. Он только что переехал из города Вашингтона в округе Колумбия, который, как вы помните, является столицей нашей родины.

Бредли поднял глаза и глянул на новенького, который стоял перед классом рядом с миссис Эббель.

— Расскажи ребятам немного о себе, Джефф, — настойчиво предложила учительница.

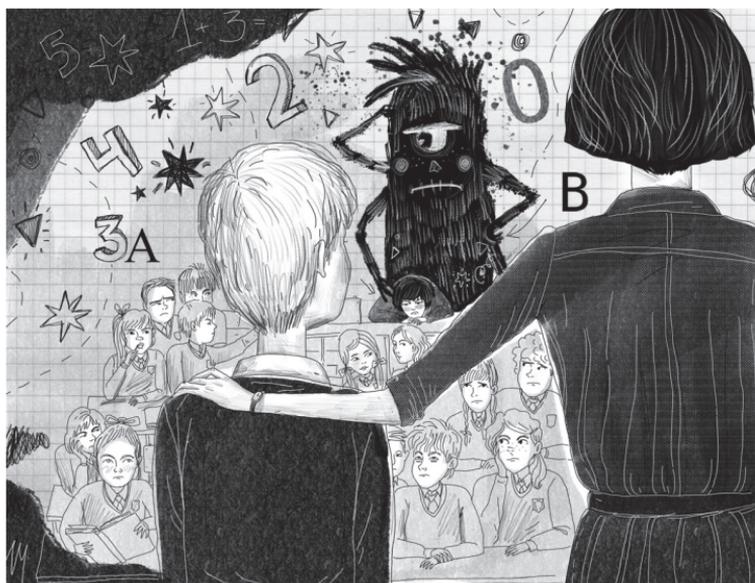
Новенький пожал плечами.

— Ну что ты стесняешься? — сказала миссис Эббель.

Новенький промямлил что-то себе под нос, но Бредли не разобрал ни слова.

— Ты когда-нибудь бывал в Белом доме, Джефф? — спросила миссис Эббель. — Уверена, ребятам будет очень интересно послушать про это.

— Не, не бывал, — выпалил новенький и замолтал головой.

Учительница улыбнулась.

— Что ж, давай подумаем, куда нам тебя посадить. — Она оглядела класс. — Хм-хм, свободных мест я что-то не вижу, только в последнем ряду, вон там.

— Нет, только не рядом с Бредли! — воскликнула одна девчонка с первой парты.

— Всё лучше, чем сидеть перед Бредли, — добавил мальчишка, сидящий рядом с ней.

Миссис Эббель нахмурилась. Потом повернулась к Джеффу и сказала:

— Прости, но других свободных мест нет.

— Да мне без разницы, где сидеть, — пробурчал Джефф.

— Видишь ли, у нас никто не хочет сидеть... там, — объяснила миссис Эббель.

— Точно! — громко сказал Бредли. — Никто не хочет сидеть рядом со мной! — И он ухмыльнулся.

Точнее, растянул рот до ушей — да так, что и не поймешь, то ли улыбается, то ли скалится.

Джефф неуклюже протопал между партами и подсел к Бредли. Тот следил за новичком, вытаращив глаза. Когда новенький улыбнулся ему, Бредли поспешно отвернулся.

Миссис Эббель начала урок, а Бредли вытащил карандаш и листок бумаги и принялся рисовать каляки-маляки. Рисовал он всё утро, то на бумаге, то прямо на парте. Порой Бредли нажимал на карандаш так сильно, что грифель ломался. И тогда Бредли смеялся. Потом совал обломок грифеля в парту, затачивал карандаш и вновь брался за рисование. В парте у него было полным-полно бумажек (он рвал их в клочья), обкусанных и обслуженных стирательных резинок и прочего хлама, который копился там кучками.

Миссис Эббель тем временем уже раздавала проверенные контрольные по родному языку.

— Почти все написали работу очень хорошо, — сказала она. — Я очень вами довольна, ребята. У нас четырнадцать отметок «отлично», остальные — «хорошо». Разумеется, есть одна «неудовлетворительно», но... — Она пожала плечами.

Бредли поднял над головой свою неудовлетворительную контрольную, да еще помахал, чтобы все видели, и опять криво ухмыльнулся.

Пока миссис Эббель разбирала с остальными правильные ответы, Бредли извлек ножницы и очень аккуратно настриг свою контрольную на крошечные квадратики.

Когда зазвенел звонок с урока, Бредли надел свою красную куртку и в полном одиночестве вышел из класса.

— Эй, постой! — окликнул его кто-то.

Бредли вздрогнул и обернулся.

За ним спешил новичок, Джефф.

— Привет, — сказал он и пошел рядом.

Бредли вытаращился на него в изумлении.

Джефф улыбнулся.

— Я не против сидеть с тобой рядом, — сказал он. — Нет, честно.

Бредли не знал, что и сказать.

— А я правда был в Белом доме, — поведал Джефф. — Хочешь, расскажу, как было дело?

Бредли подумал, потом произнес:

— Дай доллар, а не то я в тебя плюну.

2

Есть такие ребята — их сразу видать — которые здорово умеют плевать. Очень метко. Пожалуй, именно так проще всего описать Бредли Чокерса. На него глянешь — и сразу ясно как день: этот плюется метко.

В классе миссис Эббель он был старше всех и самый грубый с виду. Бредли был старше всех одноклассников на год, потому что два года просидел в четвертом классе. Теперь он пошел в пятый класс в первый раз — но, возможно, не в последний.

Когда Бредли пригрозил плюнуть в Джеффа, тот хлопнул глазами, потом сунул Бредли доллар и быстро убежал.

Бредли хмыкнул себе под нос и стал смотреть, как все остальные играют вместе на перемене.

Когда прозвенел звонок на урок, Бредли вернулся в класс и очень удивился, почему это миссис Эббель ничего ему не говорит. Он-то думал, Джефф наядбедничает учительнице и придется отдать доллар.

Бредли снова занял свое место — в последнем ряду, на последней парте. «Наверное, новенький побоялся ябедничать, — решил он. — Знает, если нажалуется, я ему по морде врежу!» И он мысленно расхохотался.

Завтрак на большой перемене он тоже съел в одиночестве — никто в столовой к нему не подсел.

Когда Бредли вернулся из столовой, миссис Эббель подозвала его к себе.

— А что я? — спросил он и недовольно покосился на Джеффа, который уже сидел за партой. — Я вообще ничего такого не делал.

— Ты отнес маме мою записку? — спросила учительница.

— Чего? Какую записку? Никаких записок вы мне не давали.

Миссис Эббель вздохнула.

— Нет, Бредли, давала. Более того, я дала тебе для мамы целых две записки, потому что ты сказал, будто первую украли, и я написала вторую.

— А, точно, — отозвался Бредли. — Так я ту, вторую, давно ей отдал.

Миссис Эббель смерила его недоверчивым взглядом.

— Бредли, очень важно, чтобы твоя мама завтра пришла в школу.

На завтра было назначено родительское собрание.

— Она не сможет, — быстро сказал Бредли. — Болеет она.

— Ты ведь не передал ей записку?

— Не верите мне — позвоните врачу.

— У нас в школе только-только появился новый психолог, — сообщила миссис Эббель. — Твоей маме совершенно необходимо с ней поговорить.

— А они уже знакомы, — ответил Бредли. — Вместе в кегельбан ходят.

— Я хочу тебе помочь, Бредли.

— Не верите мне — позвоните в кегельбан!

— Хорошо, Бредли, — ответила миссис Эббель, и на том разговор закончился.

Бредли занял свое место, очень довольный, что учительница от него отстала. Потом глянул на Джеффа. Странно все-таки, что тот не наябедничал. Бредли снова принялся калякать на бумаге, но всё крутил в голове слова Джеффа: «Эй, постой. Привет. Я не против сидеть с тобой рядом. Нет, честно.

А я правда был в Белом доме. Хочешь, расскажу, как было дело?»

Чего это он? Непонятно.

Когда Бредли обижали — тут ему было всё понятно. И наплевать. Обидчиков он просто ненавидел. Пока он их ненавидел, ему было начхать, что они там о нем думают.

Потому-то он и пригрозил Джеффу, что плюнет в него. Надо было успеть возненавидеть Джеффа, пока тот не успел возненавидеть Бредли.

Но теперь...

Странная штука. Бредли запутался. «Эй, постой. Привет. Я не против сидеть с тобой рядом. Нет, честно». Слова всё крутились у него в голове и гремели в мозгу.

После уроков он нагнал Джеффа на выходе из школы.

— Эй, Джефф, постой! — окликнул Бредли. — Погоди!

Джефф обернулся — и пустился наутек, но Бредли бегал быстрее. Он настиг Джеффа на углу школы.

— У меня больше нет денег, — испуганно пролепетал Джефф.

— Станешь мне другом — дам тебе доллар, — пообещал Бредли и показал Джеффу тот самый доллар, который отобрал у него утром.

Джефф осторожно протянул руку и проворно схватил деньги.

Бредли опять криво усмехнулся.

— А ты правда бывал в Белом доме? — спросил он.

— Ну... да, — выдавил Джефф.

— И я тоже! — воскликнул Бредли. Повернулся и побежал домой.

3

Бредли открыл входную дверь и сморщился. В доме пахло рыбой.

— Ты сегодня рано, — сказала из кухни мать. Тучная, высокая, в зеленом платье без рукавов, она стояла посреди кухни с большим ножом в толстых руках.

— Мы с друзьями бежали домой наперегонки, — соврал Бредли.

На разделочной доске перед миссис Чокерс лежала сырая рыба толщиной в ее руку. Мать занесла над рыбой нож и ловко отрезала ей голову. Бредли посмотрел на это, потом пошел к себе в комнату и заперся там.

— Всем привет! — объявил он с порога. — Бредли дома! — И продолжал, прикидываясь кем-то другим: — Привет, Бредли, здорово, Бредли.

— Всем привет! — повторил он уже своим голосом.

Разговаривал Бредли со своей коллекцией игрушечных зверушек. У него их было штук двадцать. Например, медный лев — Бредли как-то нашел его в мусорном баке по дороге в школу. Или вот ослик из слоновой кости — родители привезли из отпуска в Мексике. Вот две совы — одна солонка, другая перечница, вот стеклянный единорог с отколотым рогом, а вот целый выводок кокер-спаниелей, прилепленных вокруг пепельницы. Вот енот, лиса, слон, кенгуру... Кое-какие из фигурок были так поцарапаны и оббиты со всех сторон, что уже и не поймешь, кто они. Но все они были друзьями Бредли.

И все они хорошо к нему относились.

— А где Ронни? — спросил Бредли. — И Бартоломью?

— Я не знаю, — ответила лиса.

— Они вечно удирают погулять вместе, — сообщил кенгуру.

Бредли нагнулся над кроватью и пошарил под подушкой. Там-то он и нашел зайчиху Ронни и медвежонка Бартоломью. Да и где им еще быть, он ведь сам сунул их туда перед уходом в школу.

— Что вы там забыли? — спросил он у потеряшек.

Ронни хихикнула. Она была крошечная, рыжая, с приклеенными синими глазками и сломанным ухом.

— Ничего такого, Бредли, — ответила зайчиха. — Просто гуляли.

— А мне надо в туалет, — сказал Бартоломью — коричневый с белым керамический медвежонок. Он стоял на задних лапах, разинув пасть, так что видно было, какие у него красивые белые зубы и красный язык.

— Они там целовались! — сообщил мексиканский ослик. — Я всё видел!

Ронни хихикнула.

— Ох уж эта Ронни! Ну что мне с тобой делать? — попенял Бредли.

Зайчиха снова хихикнула.

Бредли вытащил из кармана пригоршню мелких бумажных квадратиков — свою изрезанную контрольную.

— Смотрите, я принес вам поесть, — объявил он. Рассыпал бумажки по кровати и посадил туда зверушек. — Только не торопитесь, — добавил он. — Еды на всех хватит.

— Спасибо, Бредли, — сказала зайчиха. — Какая вкуснотища!

— Да, вкусно, — согласился медвежонок.

— Не шалите с едой, — сказала мама-спаниелиха своим щенкам, сидевшим вместе с ней вокруг пепельницы.

— Соль, пожалуйста, — попросила сова-перечница.

— Перец, пожалуйста, — попросила сова-солонка.

— Да здравствует Бредли! — провозгласил лев.

— Ура, ура нашему Бредли! — хором подхватили остальные зверушки.

Ронни доела и ускакала гулять сама по себе, напевая: «Тра-ля-ля-ля-ля». Потом крикнула: «Я — купаться в пруду».

Прудом служило фиолетовое пятно на покрывале, где Бредли когда-то пролил виноградный сок.

Ронни прыгнула в воду. И вдруг как запищит:

— Помогите! У меня лапку свело!

— Потому что нельзя купаться сразу после еды, — напомнил ей Бредли.

— Помогите, тону!

Бартоломью наострил уши.

— Да ведь это Ронни! — воскликнул медвежонок. — Никак она тонет в пруду! — И помчался на выручку. — Держись, Ронни! — кричал он на бегу. — Я уже иду!

Тут дверь распахнулась и в комнату вплыла Клаудия, сестра Бредли, она была старше на четыре года.

— Выметайся! — огрызнулся он. — Не то как дам в нос!

— Что это ты тут делаешь? — поддразнила она. — Разговариваешь со своими игрушечками? Зверушками-подружками? — И Клаудия засмеялась, показав скобки на зубах.

Ухо у Ронни отбила именно она — случайно наступила на игрушечную зайчиху. И сказала: сам виноват, нечего раскидывать свои игрушки по всему полу.

Бредли тогда не стал объяснять, что Ронни была вовсе не на полу, а в пустыне. Просто ответил: «Ну и начхать. Подумаешь, дурацкая игрушка — велика важность».

Теперь Клаудия сказала:

— Тебя мама зовет. Велела за тобой сходить.

— Чего ей надо?

— Поговорить с тобой надо. Скажи своим игрушечкам, что скоро вернешься.

— Совсе я с ними не разговариваю, — уперся Бредли.

— Тогда что ты делаешь?

— Расставляю их. В алфавитном порядке. Это у нас такое домашнее задание. Не веришь мне — спроси нашу учительницу.

Клаудия фыркнула. Она всегда насмехалась над зверушками Бредли, но вообще-то, когда сломала ухо зайчихе, очень изводилась. Она знала, что Ронни у Бредли любимица. Поэтому в порядке извинения купила ему медвежонок.

«На что мне медвежонок?» — спросил тогда Бредли.

Теперь Бредли пошел на кухню. Рыба, уже нарезанная на куски и густо посыпанная луком, жарилась на плите.

— Ты меня звала? — спросил он мать.

— Как у тебя дела в школе? — поинтересовалась та.

— Отлично! Просто круто! Сегодня меня вообще выбрали старостой класса.

— А отметки как, нормальные?

— Ага. Миссис Эббель сегодня раздала контрольные, у меня по родному языку опять «отлично». Даже отлично с плюсом, вот.

— Покажешь мне?

— Ой, а миссис Эббель оставила мою контрольную в классе. Повесила на стенку. Там уже куча моих контрольных на «отлично».

— Миссис Эббель мне только что звонила, — сообщила мать.

Сердце у Бредли так и затрепыхалось.

— Почему ты мне не сказал, что завтра в школе родительский день? — спросила мать.

— Разве не сказал? — невинно переспросил Бредли.

— Нет, по-моему.

— Сказал, а ты ответила, что пойти не сможешь. Ты просто забыла.

— Миссис Эббель очень настаивала, чтобы я пришла. У нее ко мне важное дело, — произнесла мать.

— Она просто по работе старается. Чем больше родителей придет, тем больше денег она заработает, — объяснил Бредли.

— Как бы там ни было, я договорилась с ней, что приду завтра к одиннадцати.

Бредли не поверил своим ушам.

— Никуда ты не пойдешь! — отчаянно воскликнул он и топнул ногой. — Так нечестно!

— Бредли, в чем дело?

— Нечестно! Нечестно! — Он стрелой пронесся к себе в комнату и с грохотом захлопнул дверь.

Но не прошло и минуты, как мать постучалась к нему.

— Что случилось? — спросила она. — Что нечестно?